

Меленда Моргунова

**Двадцать два
квадрата для
Синь**

Надежда Моргунова

Двадцать два квадрата для Синь

«Автор»

2026

Моргунова Н. И.

Двадцать два квадрата для Синь / Н. И. Моргунова — «Автор»,
2026

Она пришла за голосом. Но голос стал её тюрьмой. Семь лет контракта с крупным лейблом, семь лет слезки, психологических пыток и гениальных уроков, которые лечили старые травмы и наносили новые — ещё глубже. Её обучали резонировать с болью, чтобы потом продать этот резонанс тому, кто сможет его монетизировать. Но она не смогла молчать. И тогда у неё отняли всё: дом, свободу, любовь и даже надежду на спасение. Финальный аккорд — отказ любимого человека, пожар, два месяца взаперти и «прощальный подарок» лейбла: двадцать два квадратных метра в Подмоскowie. Крошечная студия, в которой нет охраны, прослушки и ежедневных отчётов. Только она, её сломанная психика и голос, который больше никому не принадлежит. Для тех, кто когда-либо чувствовал, что их жизнь — это чужой проект. Для тех, кто терял всё и начинал с нуля на двадцати двух квадратах. Для тех, кто знает: Синь — это не просто металл. Это лезвие, которое режет даже тогда, когда кажется, что резать уже нечего.

© Моргунова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Надежда Моргунова

Двадцать два квадрата для Синь

Часть 1. Встреча.

Студия была маленькой, душевной, заваленной проводами и пустыми стаканами из-под кофе. Я пришла туда не за любовью. Я пришла за битом. За строчкой, которая ляжет на этот чёртов минус, который он скинул мне ещё в июле. Я тогда думала, что это просто работа. Просто ещё один трек, который никто не услышит.

Он сидел за пультом, спиной ко мне. Худые плечи, наушники на шее, пальцы бегают по фейдерам. Я не видела его лица, но слышала его голос — он что-то мурлыкал под нос, пробовал интонации, и от этого звука у меня внутри что-то странно сжалось. Я подавила это чувство, как привыкла подавлять всё, что могло меня ранить.

— Садись, — бросил он, не оборачиваясь. — Минус готов. Давай текст.

Я села на продавленный диван, достала помятый листок. Он читал мои строки. Молча. Долго. А потом сказал то, что я никогда не забуду:

— Это нечто. В хорошем смысле. Ты сама это написала?

— Сама, — ответила я, и голос дрогнул.

— Тогда давай. Я накидаю первый куплет, ты вступаешь на припеве.

Он включил бит. Тяжёлый, вязкий, как смола. И начал читать. Его рэп был не техничным — он был живым. Он говорил о том, о чём я боялась думать: о потерях, о лжи, о том, как люди предают. Его голос проникал под кожу, как игла, и я вдруг поняла, что больше не могу дышать ровно. Моё творческое сердце, которое я так долго прятала за бетоном обязательств, вдруг забило так, что я испугалась.

Я вступила на припеве. Мой голос звучал хрипло, неуверенно, но он поднял глаза и посмотрел на меня. Впервые за вечер. И в этом взгляде было что-то, от чего земля ушла из-под ног. Не вопрос. Что-то другое. Как будто он узнал меня. Как будто он тоже почувствовал, что этот трек — не просто работа.

Мы записали его за два часа. Когда я вышла из студии, меня трясло. Я села в метро и проехала свою станцию, потому что не могла перестать прокручивать в голове его голос. Я не заметила, как влюбилась. Это случилось не тогда, когда он смотрел на меня.

Моё творческое сердце, которое я считала мёртвым, просто разорвалось от его слов и собралось заново — уже с ним внутри.

Я не хотела этого. Я не планировала. Но Синь-Хай не спрашивает разрешения. Она просто режет. И в тот вечер мой скальпель ударил не по врагу. Он ударил по мне самой.

Часть 2. Лабиринт с бабочкой.

Я подписала контракт на семь лет. Семь лет — это вечность для того, кто хочет петь, и мгновение для того, кто хочет тебя сломать.

Мне сказали: «Никакой личной жизни. Ты — инструмент. Твой голос принадлежит нам. Твоё тело — нам. Твои мысли — нам».

Я думала, что это красивая метафора. Оказалось — нет. За мной следили. Проверяли почту, прослушивали звонки, знали, где я была и с кем. Однажды я встретила его в метро — случайно, просто столкнулись на переходе. На следующий день меня вызвали в кабинет и сказали: «Твои случайности мешают работе».

Я не поняла, как они узнали. Потом поняла. И от этого понимания внутри что-то оборвалось. Я перестала чувствовать себя живой. Я стала функцией. Голосовым аппаратом с ногами.

Мой преподаватель по вокалу — назовём его Мастер — был гением. И садистом. Он говорил: «Твоя психика — это твой враг. Мы должны её разобрать, чтобы собрать заново». И

он разбирал. Методично, как хирург, но без наркоза. Он ставил меня перед зеркалом и заставлял петь, пока я не начинала ненавидеть своё отражение. Он включал записи моего голоса и требовал найти в них фальшь — не музыкальную, а душевную. «Ты звучишь как мёртвая, — говорил он. — Дай мне боль. Настоящую. Не эту театральную».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.